

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-787-799

EDN: HKSNAГ

Риск-рефлексивные детерминанты адаптации в условиях угроз: опыт эмпирического исследования*

Д.А. Абгаджав, А.В. Алейников, А.Г. Пинкевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

(e-mail: d.abgadzava@spbu.ru; a.alejnikov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены специфика и роль риск-рефлексий в процессе адаптации к новым современным угрозам и опасностям. По мнению авторов, традиционные стратегии анализа риска частично отражают качественные изменения влияния восприятия угроз риск-потребителями, риск-производителями, риск-бенефициарами и риск-аутсайдерами на их поведение. Авторы подчеркивают важность «господствующего нарратива» рисков в репрезентации их социальной приемлемости/неприемлемости для разных групп интересов. Исходными методологическими положениями выступают предложенное М. Вебером различие «позитивной и негативной привилегированности», теоретические и практические экспликации современных концепций выбора рефлексивных стратегий адаптации к угрозам как критерия жизненного успеха или неудачи, а также перспективные стратегии формирования позитивной или негативной «рисковой» идентичности. В эмпирическом разделе статьи представлены результаты прикладного исследования, проведенного коллективом авторов с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета «Социологические и интернет исследования» (всероссийский телефонный опрос и фокус-группы). Качественный подход позволил выявить факторы формирования отношения к основным угрозам и их влияние на возможности контроля и превенции рисков, процессы адаптации и самосохранения. В статье обосновано значение исследовательской программы доверия П. Штомпки как средства снижения неопределенности и нейтрализации риска (базовые основания типизации рефлексивных стратегий избегания неопределенности, влияние на их выбор социально-демографических характеристик риск-потребителей). Анализ эмпирических данных показал, что тиражирование той или иной модели поведения в обществе риска является мобилизационным ресурсом для укрепления политических позиций. «Проваль» в управлении рисками порождает особый тип социальной стратификации – отношения риск-бенефициаров и риск-аутсайдеров, обладающих в ситуации угрозы специфическими интересами, возможностями и границами реализации своих стратегий адаптации.

Ключевые слова: риски; угрозы; риск-рефлексия; адаптация к риску; риск-потребители; стратегии адаптации

---

*© Абгаджав Д.А., Алейников А.В., Пинкевич А.Г., 2023

Статья поступила 13.02.2023 г. Статья принята к публикации 26.09.2023 г.

Несмотря на актуальность проблематики риск-рефлексий и имеющиеся исследования, в области восприятия рисков [4; 20; 22] наблюдается недостаток работ, посвященных рефлексивным взаимодействиям групп с разными интересами в «поле риска», поиску способов обращения конфликтов во благо [5. С. 331], диагностике стратегий адаптации к угрозам, используемых риск-бенефициарами и риск-аутсайдерами [2]. На теоретическом и эмпирическом уровнях недостаточно изучена тематика отчетливо прослеживаемой политической и идеологической индоктринированности восприятия рисков, определяющей переключение «режимов вовлеченности» [14] в риск. Очевидно, все это артикулирует как проблему тиражирования профанных представлений о существующих рисках, так и проблему оформления «критического случая» – такого состояния «общества риска», когда «производство бедствий и разрушений является доминирующим способом общественного производства, имеющим свои цели, ценности, институты и закономерности» [19. С. 85]. Подобная деформация стратегий адаптации к риску не ведет к усилению контроля угроз и опасностей или оформлению позитивного политического поведения акторов, имеющих собственные представления о виновных в опасностях и их ответственности и потому становящихся политическими агентами влияния в «обществе козлов отпущения» (У. Бек). В таком обществе господствует логика, согласно которой «не опасности виноваты, а те, кто их вскрывает и сеет в обществе беспокойство» [3. С. 37].

Исходный пункт риск-рефлексивного анализа — проблематизация восприятия справедливости «логики распределения риска» [3]. Тем самым открывается продуктивная аналитическая перспектива интеграции в логику риск-рефлексивного анализа концептуального вопроса: «насколько мы уверены, что в повседневной жизни люди столь часто размышляют и обсуждают проблемы справедливости, что прекрасно понимают, о чем идет речь в вопросах, могут отследить уровень справедливости во временной перспективе и применительно к разным социальным аспектам, единообразно понимают критерии справедливости и дают им “объективные” (компетентные) оценки?» [15. С. 220]. Особенно важно, что «рискологическое» измерение — необходимый элемент социальной жизни, а индивидуальные и коллективные риск-рефлексии вплетены в политические импликации проектирования системы рациональных управленческих действий, обеспечивающих усиление функциональности превенции и распределения угроз. В пользу подобной аналитической оптики говорит и то, что в сфере принятия политических решений в ситуации риска «нет готовых предписаний; необходимость в мышлении возникает в иррациональной среде, так как в ней отсутствуют готовые языки, значения и модели» [16. С. 61]. Соответственно, риск-рефлексии формируют контуры предпочтений, оценок и представлений о приемлемом уровне угроз и возможных сценариях адаптивного поведения [9], в том числе под воздействием других акторов.

Как правило, исследователи справедливо указывают, что «отдельные лица или социальные/культурные группы реагируют в соответствии со своим восприятием риска, а не в соответствии с объективным уровнем риска или научной оценкой риска» [24. С. 694]. Каждый риск-потребитель определенным образом адаптируется к рискам, и на формирование механизмов/способов адаптации влияют как характеристики риск-потребителей, так и факторы внешней среды и модели, существующие в обществе. Согласно современной рискологии, субъект на основании оценки не только вероятности риска, но и уязвимости от риска, относит его к одной из трех категорий – приемлем, приемлем при конкретных условиях или неприемлем — и определяет конкретный способ взаимодействия с риском, адаптируясь к нему. На оценку уязвимости от риска влияет множество факторов, в том числе «объект» уязвимости — ты сам, твоя семья, общность, окружающая среда и т.д. [11; 17]. Важно, чтобы выделение факторов риск-рефлексий и анализ адаптации к рискам были основаны не только на теоретических выкладках или опыте зарубежных исследователей, но и на эмпирических данных, собранных в России с использованием разнообразных методик. Несмотря на имеющиеся разработки, ряд вопросов, значимых для осмысления влияния восприятия рисков с фокусом на роли риск-рефлексий в выборе адаптивных стратегий поведения в условиях угроз, требуют коррекции теоретико-методологических оснований и выхода за рамки традиционных исследовательских стратегий, в чем и состоит цель данной статьи.

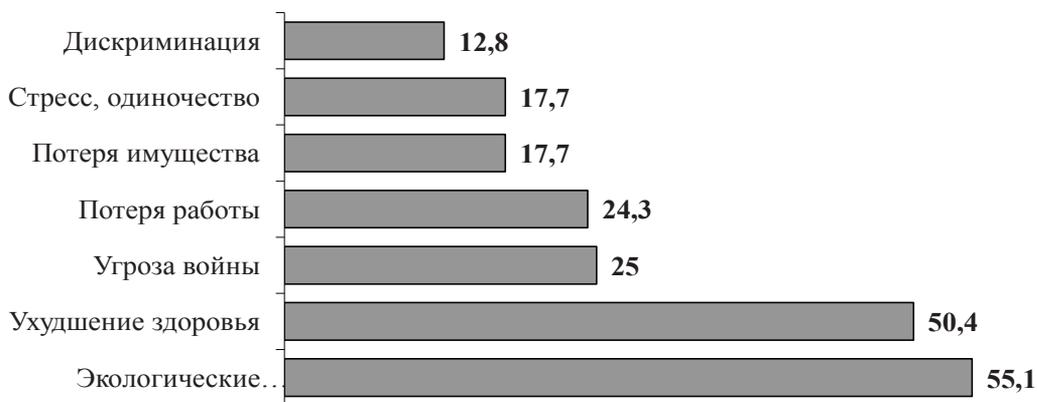
Теоретико-методологические возможности изучения риск-рефлексий расширяет предложенное Вебером различие «позитивной и негативной привилегированности», которое активно используется российскими социологами для операционализации шансов и рисков индивидов в различных областях жизни [12]. Данная концептуальная оптика позволяет исследовать выбор рефлексивных стратегий адаптации к угрозам как критерий жизненного успеха или неудачи, поскольку социальная адаптация подразумевает изменение социальных стереотипов, практик, ценностей и способов (ре)конструирования реальности [7. С. 39].

Адаптация к риску — это «решение, суть которого состоит в принятии того способа взаимодействия с риском, который соответствует определенной цели субъекта» [10. С. 33]. Однако способность адаптации к рискам и угрозам связана не только с субъектом — она может быть неким свойством общества, системы, которая с неизбежностью продуцирует, как писал Н. Луман [8], совокупность практик и «стратегий самосохранения», в которых проявляется нормативное позиционирование в ситуациях опасности и позитивная или негативная «рисковая» идентичность, конфликт акторов разных интерпретаций угроз, а также практик и технологий доминирования той или иной модели поведения в обществе риска, тиражирование которых является мобилизационным ресурсом для укрепления политических позиций.

Рассмотренная совокупность трактовок роли риск-рефлексий в адаптации к угрозам стала концептуальным и методологическим основанием проведенного в 2019 и 2021 годах эмпирического исследования. Его первый этап был проведен в ноябре 2019 года посредством всероссийского телефонного опроса — для выявления рисков, актуальных для жителей России [1]. Опрос был проведен до начала специальной военной операции, поэтому как фактор риска она не рассматривалась. Репрезентативная многоступенчатая выборка составила 1620 человек в возрасте старше 18 лет, проживающих во всех регионах России; контроль квот проводился по полу, возрасту и месту жительства. По итогам анализа опросных данных был составлен перечень основных угроз, существующих в жизни опрошенных, и этот перечень лег в основу сценария фокус-групп. Выбор метода фокус-групп объясняется необходимостью получения глубокой информации, в частности о восприятии угроз и рисков и адаптации к ним. Второй этап исследования был проведен в мае 2021 года в Санкт-Петербурге — 10 фокус-групп (62 участника, средняя продолжительность дискуссии — 1,5 часа, общая продолжительность всех фокус-групп — около 12 часов).

Поскольку всероссийский опрос показал, что на восприятие рисков оказывают влияние такие характеристики респондентов, как возраст, образование и занятость, они учитывались при рекрутинге участников фокус-групп. Соответственно, были проведены следующие фокус-группы: половозрастная (мужчины, женщины и смешанные; молодежь, средний возраст, старший возраст) — 4 группы; группа с наличием или отсутствием занятости у участников — 3 группы; группа с разным уровнем образования (среднее, среднее профессиональное, высшее) — 3 группы. При рекрутинге обязательными условиями были постоянное проживание в Санкт-Петербурге и отсутствие профессионального отношения к проведению прикладных исследований.

По итогам всероссийского опроса были определены угрозы, волнующие жителей России, и наиболее актуальные из них (Рис.1). В сценарий фокус-групп также попала пандемия — как одна из основных угроз на тот период. Обсудить за время фокус-группы все обозначенные проблемы не представлялось возможным, поэтому перечень основных проблем и рисков выглядел следующим образом: пандемия и потеря работы; рост социальной напряженности, неравенства между людьми; произвол властей, беззаконие; обострение конфликтов между Россией и другими странами, опасность начала военных действий; экологическая проблема. Традиционно обсуждение проблем в сценарии было выстроено по одному шаблону и подразумевало разные аспекты, среди которых приоритетны: актуальность для конкретного участника и членов его семьи; острота восприятия; возможность контроля рисков и минимизация их последствий; равенство людей перед рисками и угрозами.

Рис. 1. Оценка реальных угроз (в %)

Анализ материалов фокус-групп показал, что уровень информированности людей о рисках, которые связаны с конкретной угрозой, и способах их преодоления влияет на их актуальность. Так, многие ощущали пандемию более остро в первую волну: *«Сейчас уже меньше беспокоит, а когда все это только случилось, то, я думаю, что это было всем непривычно»*. В данном случае к моменту исследования (май 2021 года) появилось больше информации о рисках, связанных с угрозой пандемии. Дополнительным фактором была профессиональная принадлежность: так, врачи зачастую обладали большими объемами информации, и их наличие в семье несколько меняло ситуацию с информированностью: *«У меня мама врач, и я знакома с этим. Я отношусь к этому как к варианту гриппа, только в более тяжелой форме. Люди справятся»*.

Острота угрозы ниже, когда риски, непосредственно связанные с ней, не коснулись человека лично или членов его семьи. Например, в случае с угрозой коронавируса участников фокус-групп в большей степени беспокоили социально-экономические последствия пандемии и карантинных мероприятий: *«Понятное дело, что не может не волновать, но в личном плане, здоровья меня и моей семьи не коснулось. Адекватность мер, которые принимаются для борьбы с коронавирусом, больше волнует»*. Чем меньше влияние коронавируса на разные аспекты жизни человека и его ближайшего окружения, тем меньшая обеспокоенность наблюдается в связи с данной проблемой: *«Если честно, в повседневности меня это не беспокоит, потому что онлайн учеба мне дала возможность дополнительно свободное время распределять»*. То же самое касается проблемы социального неравенства и напряженности: люди могут осознавать ее, но, не сталкиваясь лично с рисками, не актуализируют их, а лишь оценивают вероятность.

Острота восприятия проблемы подвержена влиянию социально-демографических характеристик, прежде всего возраста и дохода. Так, в условиях пандемии молодежь преимущественно боялась за жизнь старших членов семьи и знакомых, а не за свою — *«У меня в семье умерла пара человек. Сильно это волнует»*; также молодежь беспокоили карантинные ограничения: *«Планировали в 2020 году съездить в Казахстан к моей семье, но из-за пандемии поездка отменилась»*. Старшее поколение ощущало угрозу достаточно остро: с одной стороны, находилось в зоне повышенного риска — *«социально ты ограничен — и свобода, и угроза здоровью»*, с другой стороны, опасалось неквалифицированной работы ответственных структур.

Достаточно сильно влияет на восприятие рисков и материальное положение. Наличие в распоряжении человека ресурсов, в том числе финансовых, гарантирующих привычный уровень и качество жизни, позволяет воспринимать экономические сложности и опасность потери работы спокойнее. Сложнее приходится людям, у которых нет «подушки безопасности»: *«Люди, у которых не было, например, финансовой подушки безопасности, вообще хоть каких-то накоплений, остались практически ни с чем, а это очень страшно»*. Многие участники говорили, что эта ситуация формирует у людей представление, что теперь они сами за себя ответственны, и никто другой им не поможет — ни работодатель, ни государство: *«Выросло такое понимание, что ты сам можешь как-то выбраться и никто тебе не поможет, в итоге все оказались в ситуации, когда только ты сам можешь выплыть или утонуть»*. Эта ситуация воспринимается как неправильная, несправедливая — государство обязано оказывать помощь и поддерживать своих граждан. Особую остроту риски обретают, когда человек несет ответственность за других людей, в частности обеспечивая свою семью, пожилых родственников.

Значимость рисков связана и с долгосрочностью их последствий: риски, нежелательные последствия которых могут проявиться в ближайшей перспективе, оцениваются как более актуальные, чем те, чьи последствия наступят не скоро: *«Экологическая проблема не самая важная на данный момент. Эта проблема возникает, когда общество уже живет в достойных условиях. Понимаете, мне 32, я не женат, у меня детей нет — меня экология не очень волнует сейчас»*. На важность рисков такого рода обращают внимание участники, для которых характерны: активная гражданская позиция; высокий уровень экологического воспитания и понимание влияния нарушений экологии на жизнь планеты; наличие детей и осознание, что им придется жить в ухудшающейся экологической ситуации; личный опыт столкновения с серьезными экологическими катастрофами или попытками экологических нарушений.

Влияние рисков на риск-потребителей может иметь разный характер, поэтому не все риск-потребители оказываются в равном положении. Так,

участники фокус-групп уточнили, что люди были в равном положении перед рисками коронавируса, но не в отношении возможностей справиться с ним: *«Одно дело — когда ты в квартире сидишь в изоляции и никуда не выйди, это же умереть можно, а совсем другое — если у тебя особняк и гуляй не хочу. Да и палату отдельную с ИВЛ и лекарства можешь себе позволить. Страшно представить, что происходит в каких-нибудь деревнях на Дальнем Востоке»; «На мне карантин в принципе как сказался: у меня младший брат, который учится в пятом классе, и младшая сестра, которая в садике. Папа работает преподавателем, мама работает в типографии, и мы все сидели дома. У нас два компьютера, и их просто не хватало, потому что брат учится дистанционно, папа преподает дистанционно, я учусь дистанционно. Все дистанционно, сестре нужны мультики, маме нужна база типографии... Мы все ругались, нам было тяжело в одном помещении».*

Здесь можно выделить ряд факторов, определяющих возможности адаптации к риску: сфера занятости; психологический склад; уровень материального благополучия (в том числе качество жилья); менталитет; размер населенного пункта; возраст. Что касается сферы занятости, то можно привести пример, связанный с первой волной пандемии — когда работникам государственного сектора была обеспечена стабильная зарплата: *«Например, у меня есть знакомые, которые работают в госсекторе и в администрации... Им платили полные зарплаты и надбавки за коронавирус... Получается их финансовая составляющая никак не пострадала. А если говорить, например, о частных компаниях и людях, которые занимаются фрилансом или работают в некоммерческом секторе, то конечно их это коснулось больше, чем госслужащих»; «Я работаю на предприятии, связанном с госзаказом, и, прямо скажем, с зарплатой все было в порядке, совершенно не коснулись сложности».* Определенную степень стабильности позволила сохранить дистанционная форма занятости: *«Вы понимаете, а мне даже лучше стало — я бизнес свой открыл, дистанционно начал работать, и у меня знакомые есть в такой же ситуации».* В отдельных случаях дистанционная форма занятости даже позволила увеличить заработки, тогда как работа в сфере здравоохранения увеличивала риск заражения.

С точки зрения психологического склада, как подчеркнули участники, интроверты и экстраверты по-разному воспринимают вынужденную изоляцию и сокращение социальных контактов, которые были свойственны периоду наиболее активной борьбы с пандемией: *«У меня муж был счастлив, сидел себе дома, работал, а я через месяц уже на стенку лезть начала, не могу в закрытом пространстве и без реального общения столько сидеть».*

Наличие достаточных средств позволяло приобретать лекарства, обращаться к платным специалистам, оплачивать при необходимости лечение. Качество жилья стало одним из важнейших факторов в карантинных мерах: *«Понятное дело, что все одинаково во время самоизоляции должны си-*

деть дома, но люди, у которых у каждого своя комната, а в России далеко не у каждого есть своя комната, оказались в гораздо более выигрышной позиции».

Менталитет оказывает влияние на то, насколько четко исполняются распоряжения властей. По мнению участников фокус-групп, российскому населению не свойственна подобная исполнительность: *«Люди думают только о себе... у нас не выработана гражданская дисциплина».*

Размер населенного пункта влиял на ситуацию противоречиво: с одной стороны, в мелких населенных пунктах была ниже вероятность заразиться, с другой стороны, качество и возможности оказания медицинской помощи могли быть на низком уровне: *«В деревнях меньше болеют. Вот есть деревни, где вообще люди не выезжают. Возможно, их не коснулось, возможно, у них иммунитет крепче, чем наш».*

Восприятие угрозы подвержено влиянию субъективных и объективных аспектов. Так, участники фокус-группы считают, что риски и угрозы, связанные с коронавирусом, содержат объективный компонент — развитие вируса — и субъективный — поведение человека, общества и государства. Объективный характер предполагает, что нет конкретных виновников в появлении угрозы: *«Я считаю, что никто в этом не виноват, от этого никто не застрахован. Различные болезни мутируют, со временем появляются какие-то новые».* Субъективный компонент прослеживается в работе с рисками, исходящими от данной угрозы: с одной стороны, ответственность возлагается на разных акторов, с другой стороны, возможна выработка мер по контролю над рисками или попытка минимизировать их негативные последствия.

Индивиды, общество и государство в разной степени могут контролировать угрозы и риски, что связано, в том числе, с адаптацией к рискам. Так, участники фокус-групп придерживаются мнения, что лично не могут повлиять на определенную угрозу, например, на международные отношения — это область взаимодействия и ответственности государств и их лидеров: *«Здесь не нашего уровня дело... это уровень дипломатов и руководителей стран, вся эта внешняя политика».* Но есть проблемы, где и отдельные индивиды, не облеченные властью, в состоянии влиять на ситуацию. По мнению П. Штомпки, доверие — средство снижения неопределенности и нейтрализации риска. По мере расширения социальных контактов увеличивается «риск, что партнеры предпримут действия, которые не всегда окажутся выгодными для нас, а, напротив, могут принести нам вред» [18. С. 326]. Доверие или недоверие влияют на наши действия и восприятие действительности, и формируют некие установки по отношению к другим людям и рискам. Участники фокус-групп полагают, что в чрезвычайных ситуациях, даже в условиях нехватки информации, у государства должны быть алгоритмы действия, чтобы не допустить хаоса.

В поколенческом измерении различается восприятие возможности оказывать влияние на риски, контролировать их отдельные моменты. Так молодежь и среднее поколение в большей степени верят в так называемую «теорию малых дел» — что действия конкретного человека могут привести к положительным изменениям: *«Понимаете, начать надо. Кто-то должен показать пример, а когда мы надеемся, что кто-то что-то сделает, то никто не сделает»*. Человек может обращаться к муниципальным депутатам и пресекать нарушения, которые видит. Другой вариант — привлечения внимания властей и людей к проблеме: *«Если не говорить о проблемах, которые тебя волнуют, то кто и как может догадаться о том, что тебя это волнует»*. Причем уровень контроля ситуации зависит от уровня образования — необходимо понимание того, что происходит. Старшее поколение в большинстве своем уверено, что на ситуацию повлиять нельзя: *«Я не верю, что чиновники нас услышат, нет смысла даже начинать»*.

По мнению участников фокус-групп, можно минимизировать экологические риски личным участием и собственным поведением, но только на локальном уровне, поскольку существуют угрозы, которые невозможно устранить полностью, — только минимизировать. Многие участники утверждали, что нашему обществу свойственно создание механизмов работы с рисками — осуществление разных инициатив, поиск альтернативных решений. В целом рефлексия, контроль и управление рисками на индивидуальном и государственном уровнях отвечают требованию восприятия рисков как сложных и непредсказуемых угроз, как «сложного смыслового контейнера» [13. С. 34].

В процессе адаптации к новым рискам происходят сдвиги не только в поведении, но и в ценностной структуре общества. Вместе с тем наблюдаются и реактивные адаптационные стратегии к угрозам, отсутствие уверенности в эффективности своих действий в ситуации риска и долгосрочного планирования своих жизненных траекторий. Риск-рефлексивность концентрируется на краткосрочных личных и «близких» насущных проблемах материальной и физической безопасности. Негативное напряжение, адаптационная «разрядка», «высвобождающая чувство враждебности» (в терминологии Зиммеля-Козера), наблюдается в основном на уровне коммуникации со своим социальным окружением (семья, коллеги, знакомые) и не оказывает существенного влияния на социально-политическую стабильность. Так, на уровне близкого социального окружения мы фиксируем более активные стратегии преодоления негативных последствий угроз и опасностей – стремление к расширению социальной поддержки за счет ресурсов «ближнего круга», коллективная мобилизация риск-рефлексивности за счет семейного переосмысления рискового поведения, повышения уровня совместного управления рисками и минимизации их последствий для себя и близких.

Иными словами, риск — феномен, вырастающий не только из объективных оснований, но и из различных идей и дискурсов, институци-

ональных систем и властных отношений, определяющих значимость потенциальной угрозы. По сути, явление рассматривается обществом как риск не только в силу присущих ему качеств, но и по причине его интерпретации как риска [21. С. 19], поэтому наблюдается рутинизация угроз и опасностей, потенциальные, реальные и мнимые риски рационализируются. Как отметил Л. Козер, в риск-рефлексии «хотя выражение враждебности имеет место, структура отношений как таковых остается неизменной... Так что выражение враждебности в отличие от конфликта может даже приветствоваться властью», [6. С.65], что снижает градус социальной напряженности. Однако управленческие стратегические риск-провалы чреваты деструктивными ситуациями: в одном случае, в условиях ощущения незащищенности, смятения и неуверенности акторы переносят свои враждебные чувства на более безобидные мишени; в другом случае атрибутирование конкретной угрозе явной преднамеренности ведет к поиску врага, стремящегося нанести вред. В обоих случаях речь идет о реакции акторов, которая может породить острый социальный конфликт.

Знание риска и элиминация его негативных последствий требуют использования власти: политика определяет, на чем следует фокусировать внимание сообществу, на какие угрозы следует выделять ресурсы, как следует обсуждать и понимать проблемы и, в конечном счете, как следует управлять ими. Риск-рефлексия позволяет осмыслить проблему таким образом, что управление воспринимаемой опасностью может обрести черты практически осуществимой и работоспособной стратегии. Выбор предпочтительной стратегии на риск-рефлексивной основе диктуется не только величиной возможного ущерба, но общей оценкой контекста риска — физических и нефизических последствий, соотношения социального и индивидуального рисков, трактовки справедливости, распределения рисков (бед) и личного контроля. В целом зафиксирован разрозненный арсенал дискурсивных субстратегий адаптации к рискам — от апелляции к авторитетному мнению политиков или экспертов, традициям или мнению большинства до формулирования моральных оценок, политических требований или абстрагирования и самозащиты [25]. По этой причине один из ключевых факторов в восприятии рисков — доверие: если информанты заслуживают доверия, то акторы готовы к распределению рисков и выгод и нахождению компромисса, в обратном случае, при отсутствии или подрыве доверия, выдвигаются требования «нулевого риска» и актуализируется конфликтный дискурс [23].

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта РНФ. Проект № 19-18-00115.

Библиографический список

1. Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
2. Алейников А.В., Стребков А.И., Милецкий В.П. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
4. Гаврилов К.А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов. М., 2009
5. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М. 1997.
6. Козер Л. Функции социального конфликта М, 2000.
7. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
9. Модели управления конфликтами и рисками. Воронеж, 2008.
10. Мозговая А.В. Стратегии адаптации к различным типам рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3.
11. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Значимость субъективных оценок безопасности в оптимизации процессов адаптации к рискогенной среде // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20. М., 2022.
12. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России. М., 2022.
13. Рягин Ю.И. Формула риска. Екатеринбург, 2012.
14. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // НЛО. 2006. № 77.
15. Троцук И. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. № 1.
16. Чернова Е.Б. Социологическое исследование политического мышления в ситуациях территориального планирования // Социология власти. 2014. № 4.
17. Шлыкова Е.В. Субъективные факторы готовности к риску в контексте адаптации к бифуркационной среде // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4.
18. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
19. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. 2002. № 2.
20. Bodemer N., Gaissmaier W. Risk perception // Sage Handbook of Risk Communication / Ed. by H. Cho, T. Reimer, K. McComas. Los Angeles, 2015.
21. Bolton M. Technocratic responses to the politicization of risk: Underwater munitions in New York City's Gravesend Bay and narrows // Marine Technology Society Journal. 2012. No. 1.
22. Slovic P. The Perception of Risk. London, 2000.
23. Stern M.J., Coleman K.J. The multidimensionality of trust: Applications in collaborative natural resource management // Society & Natural Resources. 2015. No. 2.
24. Unger R. False Necessity. Antinecessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy. Cambridge, 1987.
25. Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford, 2008.

Risk-reflexive determinants of adaptation under threats: An empirical study*

D.A. Abgadzava, A.V. Aleinikov, A.G. Pinkevich

Saint-Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint-Petersburg, Russia, 199034

(e-mail: d.abgadzava@spbu.ru; a.alejnikov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

Abstract. The article considers the specifics and role of risk reflections in the adaptation to new threats and dangers in the contemporary realities. The authors argue that traditional risk-analysis strategies partially reflect the qualitative changes in the impact of the perception of threats by risk consumers, risk producers, risk beneficiaries and risk outsiders on their behavior. The authors emphasize the importance of analyzing the ‘dominant narrative’ of risks for assessing their social acceptability/unacceptability for various interest groups. The initial methodological provisions of the article are the distinction between “positive and negative privilege” proposed by M. Weber, theoretical and practical explications of the contemporary concepts of choosing reflexive strategies for adapting to threats as a criterion for success or failure in life, and promising strategies for the formation of a positive or negative ‘risk’ identity. The empirical section of the article presents the results of the applied research conducted by the authors on the equipment of the Resource Center of the Science Park of the Saint Petersburg State University “Sociological and Internet Studies” (all-Russian telephone survey and focus groups). The authors conducted qualitative analysis to identify factors affecting the attitudes towards main threats and their influence on the ability to control and prevent risks and on the processes of adaptation and self-preservation. The article stresses the importance of P. Sztompka research program of trust as a means of reducing uncertainty and neutralizing risks (grounds for classifying reflexive strategies for avoiding uncertainty, influence of individual social-demographic characteristics of risk consumers on their choice). The analysis of the empirical data showed that the spread of one or another model of behavior in the risk society is a mobilization resource for strengthening political positions. Therefore, ‘failures’ in risk management determine a special type of social stratification — relationship of risk beneficiaries and risk outsiders, who have specific interests, opportunities and limitations of their adaptation strategies in a situation of threat.

Key words: risks; threats; risk reflection; risk adaptation; risk consumers; adaptation strategies

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00115.

References

1. Aleinikov A.V., Artemov G.P., Pinkevich A.G. Risk-refleksii kak faktor vybora form politicheskogo uchastija (po itogam vsrossijskogo oprosa) [Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
2. Aleinikov A.V., Strebkov A.I., Miletsky V.P. Konfliktny potentsial risk-refleksij: kontseptualnye postroenija i issledovatel'skie problemy sovremennoj analitiki [Risk-reflections’ conflict potential: Conceptual models and research issues of the contemporary analytics]. *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2023; 39 (3). (In Russ.).

---

*© D.A. Abgadzava, A.V. Aleinikov, A.G. Pinkevich, 2023

The article was submitted on 13.02.2023. The article was accepted on 26.09.2023.

3. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
4. Gavrilov K.A. *Sotsiologiya vospriyatiya riska: opyt rekonstruktsii klyuchevykh podkhodov* [Sociology of Risk Perception: A Reconstruction of Key Approaches]. Moscow; 2009. (In Russ.).
5. Ilyin M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniya ključevykh politicheskikh ponjatij* [Words and Meanings. A Description of Key Political Concepts]. Moscow; 1997. (In Russ.).
6. Coser L. *Funktsii sotsialnogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow; 2000. (In Russ.).
7. Korel L.V. *Sotsiologija adaptatsij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptation: Issues of Theory, Methodology and Techniques]. Novosibirsk; 2005. (In Russ.).
8. Luhmann N. *Sotsialnye sistemy. Oчерk obshhej teorii* [Social Systems. Outline of the General Theory]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
9. *Modeli upravlenija konfliktami i riskami* [Models of Conflict and Risk Management]. Voronezh; 2008. (In Russ.).
10. Mozgovaya A.V. Strategii adaptatsii k razlichnym tipam riskov [Adaptive strategies for different kinds of risk]. *Sotsiologicheskaja Nauka i Sotsialnaja Praktika*. 2020; 8 (3). (In Russ.).
11. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. Znachimost sub`ektivnykh otsanok bezopasnosti v optimizatsii protsessov adaptatsii k riskogennoj srede [Significance of the safety subjective estimates for the optimization of adaptation to risk environment]. *Rossija reformiruyushchajasja: Ezhegodnik*. 2022; 20. (In Russ.).
12. *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostej: sotsialnaja struktura sovremennoj Rossii* [Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Contemporary Russia]. Moscow; 2022. (In Russ.).
13. Ryagin Yu.I. *Formula riska* [Risk Formula]. Ekaterinburg; 2012. (In Russ.).
14. Thévenot L. Kreativnye konfiguratsii v gumanitarnykh naukah i figuratsii sotsialnoj obshhnosti [Creative configurations in humanities and social community figurations]. *NLO*. 2006; 77. (In Russ.).
15. Trotsuk I. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, empiricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
16. Chernova E.B. Sotsiologicheskoe issledovanie politicheskogo myshlenija v situatsijah territorialnogo planirovanija [Sociological study of political thinking in urban planning]. *Sotsiologija Vlasti*. 2014; 4. (In Russ.).
17. Shlykova E.V. Sub`ektivnye faktory gotovnosti k risku v kontekste adaptatsii k bifurkatsionnoj srede [Subjective factors of risk readiness in the context of adaptation to the bifurcation environment] *Sotsiologicheskaja Nauka i Sotsialnaja Praktika*. 2022; 10 (4). (In Russ.).
18. Sztompka P. *Sotsiologija. Analiz sovremennogo obshchestva* [The Sociology of Social Change]. Moscow; 2005. (In Russ.).
19. Yanitsky O.N. “Kritichesky sluchaj”: sotsialny porjadok v “obshchestve riska” [The “critical case”: Social order in the “risk society”]. *Russian Sociological Review*. 2002; 2. (In Russ.).
20. Bodemer N., Gaissmaier W. Risk perception. *Sage Handbook of Risk Communication*. Ed. by H. Cho, T. Reimer, K. McComas. Los Angeles; 2015.
21. Bolton M. Technocratic responses to the politicization of risk: Underwater munitions in New York City’s Gravesend Bay and narrows. *Marine Technology Society Journal*. 2012; 1.
22. Slovic P. *The Perception of Risk*. London; 2000.
23. Stern M.J., Coleman K.J. The multidimensionality of trust: Applications in collaborative natural resource management. *Society & Natural Resources*. 2015; 2.
24. Unger R. *False Necessity. AntiNecessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy*. Cambridge; 1987.
25. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford; 2008.